

ФЕНОМЕН КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ: ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Аленькова Ю. В. (Учреждение образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова», кафедра философии)

Аннотация. В статье рассматривается феномен культурной памяти как предмет осмысления в социально-гуманитарном знании. Показано, как формировался сам концепт «культурная память» и то, какие трансформации он претерпевает в современной науке и культуре.

Исследование феномена культурной памяти стало одним из важнейших направлений развития социально-гуманитарного знания конца XX – начала XXI в., в рамках которого возникло междисциплинарное направление, называемое *memory studies*. Выделение *memory studies* в самостоятельную область исследований сегодня является предметом дискуссий. Нужно отметить, что и сам термин «культурная память» полисемантичен, близок по значению к терминам «коллективная память», «историческая память», хотя необходимость провести демаркационную линию между понятиями памяти культурной и памяти исторической очевидна. Причинами появления *memory studies* можно считать, с одной стороны, антропологический поворот в гуманитарных науках, произошедший во второй половине XX в., с другой стороны – актуализацию проблем культурной идентичности, приобретших особую остроту в эпоху глобализации.

Внимание ученых в области *memory studies* привлекает феномен *коллективной памяти*, противопоставляемый индивидуальной памяти. У истоков его анализа стоял социолог Морис Хальбвакс, который, опираясь на выводы Э. Дюркгейма о коллективных представлениях, показал, что коллективная память – это особый конструкт, то есть те формы «присутствия прошлого» в настоящем, которые формируются и живут в рамках социальных институтов (школа, религия, класс, семья) [8].

Новый этап развития *memory studies* начинается с выхода работ Яна Асмана, впервые использовавшего сам термин «культурная память», под которым ученый понимал механизм трансляции основных смыслов, создающих целостность той или иной цивилизации. Эти смыслы выступают как «символические фигуры», одной из которых является миф. «Для культурной памяти важна *не фактическая, а воссозданная в воспоминании история* [курсив мой. – Ю. А.] ... в культурной памяти фактическая история преобразуется в воссозданную воспоминанием, то есть в миф» [3, с. 54–55]. Культурная память, по Асману, – важнейшая форма коллективной идентичности, которая закрепляется в практиках ритуальной коммуникации

и поддерживается ее носителями особого рода: шаманами, бардами, жрецами, учителями, художниками, писателями, учеными и пр. [3, с. 56].

Для исследований исторической памяти большое значение имеют работы Пьера Нора, концепция которого основана на *противопоставлении памяти и истории*. «Память – это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы, и в этом смысле она находится в процессе постоянной эволюции... История – это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет. Память – это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История же – это репрезентация прошлого». [6, с. 19]. По мнению Нора, последним воплощением истории-памяти оказалась нация-память.

В конце XX в. формируется культурологический подход к феномену коллективной памяти, противостоящий историографическому подходу к историческим феноменам, в основе которого лежит «избавление от всякого рода наслоений культурной метаинформации на «первозданной чистоты образ» первоисточника». Для культурологического подхода «интересны как раз механизмы формирования и интерпретации исторических образов и представлений в диахроническом разрезе вплоть до современности» [5, с. 6].

Современный этап развития *memory studies* характеризуется «боями за память»: противостоянием между сторонниками понимания культурной памяти как *основы национальной идентичности* (памяти нации) и сторонниками концепции *глобальной памяти*. Национальная память основана на поддержании в массовом сознании оппозиций «свои – чужие», «друзья – враги» и представлена двумя «конфликтными нарративами»: с одной стороны – нарративом героев-победителей, с другой – виктимным национализмом (представляющим нацию как жертву). У глобальной памяти есть «свои герои и мученики – борцы за права человека, защитники угнетенных, а также, что очень важно, гении человечества, внесшие неопределимый вклад в мировую культуру» [4]. Особенно остро этот конфликт ощущается в сохранении памяти о Второй мировой войне. В качестве примера можно привести память о Холокосте, которая сегодня становится «парадигматическим местом» не только европейской, но и глобальной памяти. Но, как полагают исследователи, в данном случае «речь идет о конструировании определенного мифа: ... определенные исторические события используются для того, чтобы обосновать значимость самой идеи глобального единства» [7, с. 21]. В ответ на это со стороны приверженцев концепции национальной памяти наблюдается отрицание Холокоста как главного травматического события XX в., происходит конкуренция за «статус жертвы».

Для Беларуси память о Великой Отечественной войне – основа национальной идентичности [1]. Героический нарратив закрепляется на уровне коммеморативных практик (памятники, музеи, военные парады). В то же время Беларусь причастна и к пространству глобальной культуры памяти, ей не чуждо осмысление травматического опыта войны, о чем свидетельствует формирующаяся в стране память о Холокосте и мероприятия, связанные с ее поддержанием.

Сможет ли вытеснить концепт «глобальная память» концепт «нация-память»? В условиях споров о «конце глобализации» и «возвращении в историю» вряд ли это возможно [2]. Скорее всего, концепт «глобальная культурная память» будет подпитываться национальными нарративами памяти и существовать параллельно с ними.

Литература

1. Аленькова, Ю.В. Проблема белорусской культурной идентичности в условиях глобализации / Ю. В. Аленькова // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. – № 3 (27). – 2017. – С. 40–46.
2. Аленькова, Юлия. Феномены «конца глобализации» и «возвращения в историю»: проблемы и дискуссии / Ю. В. Аленькова // «Глобалізований світ : випробування людського буття» : Міжнародна науково-теоретична конференція, 6–7 жовтня 2017 року : [матеріали доповідей та виступів] / редкол. М. А. Козловець [та ін.]. – Житомир : Вид-во Євенок О. О., 2017. – С. 63–67.
3. Ассман, Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Ян Ассман / пер. с нем. М. М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
4. Глобальная память: культура исторической ответственности в XXI веке. Реакция на новое начинание: интервью Gefter.ru с авторами инициативы исследования глобальной памяти [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/19185>. – Дата доступа: 21.12.2017.
5. Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке: Коллективная монография / Новый ин-т культурологии; отв. ред. Н. А. Кочеляева. – М.: Совпадение, 2015. – 168 с.
6. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок / пер. с фр.: Дина Хапаева. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. – С. 17–50.
7. Пахалок, К. А. Глобальная культура памяти: истоки и перспективы / К. А. Пахалок // Историческая экспертиза. Журнал рецензий. 2017. – № 2. – С. 17–25.
8. Хальбвакс, Морис. Коллективная и историческая память / Морис Хальбвакс // Журнальный зал Русского Журнала: Неприкосновенный запас, 2005. – № 2–3 (40–41) [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>. – Дата доступа: 19.12.2017.